

Последний
ребенок
Аида и Персефоны

Диана Бессмертная Последний ребенок Аида и Персефоны

<https://litres.ru/74577894>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аид и Персефона теряли детей снова и снова. Никто не знал почему. Пока однажды душа нерождённой дочери не показала отцу правду: это были не случайности. Это был приговор.

Теперь бог смерти и богиня весны идут против Олимпа, судьбы и самого мироздания. У них нет армии. У них есть только ложь, монета Харона и ребёнок, которого нельзя показывать миру.

Но ложь имеет цену. И однажды им придётся заплатить тем, что дороже всего.

Содержание

Пролог Подземное царство	4
Глава 1 Подземное царство пробуждается	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Диана Бессмертная Последний ребенок Аида и Персефоны

Пролог Подземное царство

В подземном царстве Аида давно перестали ждать детей от Персефоны.

Не потому что разучились надеяться. А потому что надежда умирала раньше, чем успевала родиться.

Сначала Аид винил себя: бог мёртвых не способен дать жизнь. Потом решил, что дело в Персефоне — её тело отвергает тёмную силу. Потом почти родилась светлая Элейя. Дворец ждал, Персефона впервые за долгие годы улыбалась без боли. Но Элейя тоже умерла в утробе.

После пятой потери Аид перестал искать объяснения.

Во дворце осталось только молчание. Тяжёлое, как могильная плита, придавившая горло самому времени.

Иногда реки мёртвых приносили не души, а то, что не успело стать жизнью. Слишком короткие имена. Слишком ранние судьбы. Со временем Аид научился узнавать их не по лицам — по тому, как серело пространство вокруг. Как узнают собственную кровь на руках.

Он больше не говорил об этом с Персефоной.

С каждой потерей её весна становилась слабее. Будто кто-то медленно вынимал из мира саму способность цвести. Если прежде цветы тянулись к её ногам, то теперь земля оставалась пустой там, где она проходила.

Аид видел это. И понял окончательно: их мир несовершенен. Их сила не безгранична. Где-то выше даже богов существовало нечто, до чего нельзя дотянуться.

Ещё до Персефоны он заговорил со светлыми о союзе. Не о перемирии — о настоящем объединении Света и Тьмы. Потому что видел то, чего остальные предпочитали не замечать.

Мир трещал. Трещины проходили между самими законами мироздания. Иногда души исчезали прежде, чем достигали царства мёртвых. Иногда Мойры замирали с нитями в руках, словно впервые не понимали, что держат.

И чем сильнее разгоралась война, тем отчётливее Аид ощущал присутствие чего-то древнего за пределами мира. Хаоса. О нём старались не говорить даже бессмертные. Но Аид чувствовал его дыхание в трещинах реальности, в головах обезумевших душ и в пустоте, оставшейся там, где ещё недавно существовала жизнь.

Одни светлые отвергали его сразу. Другие не отказывали, но и не соглашались — слишком привыкли к власти, поклонению, собственной вечности. Третьи делали вид, что мир всё ещё цел.

Персефона слушала его. Сначала — как слушают чужую

боль. Потом — как собственное сомнение. А однажды поняла, что больше не может не слышать.

— Что, если Свет и Тьма не способны объединиться как силы, — сказала она тогда, — но смогут соединиться в одном существе? В ребёнке?

Это была мысль, которую остальные боги сочли бы безумием.

После этих слов Персефона впервые забеременела. А потом потеряла ребёнка. Потом ещё одного. И ещё. После пятой потери даже бессмертный перестал верить в случайности. Но причину найти так и не смог.

Он давно не спускался в самые глубокие пределы царства. Ниже Стикса. Дальше полей забвения. Туда, где обитали души нерождённых. Там не было ни криков, ни боли — только неподвижный покой, от которого становилось тяжелее, чем от любого страдания. Маленькие души не росли и не менялись. Они оставались такими, какими смерть забрала их из ещё не начавшейся жизни.

Иногда Аиду казалось, что они всё ещё ждут рождения. И потому он почти перестал туда приходить. Слишком тяжело было видеть собственных детей среди теней подземного мира.

Но однажды одна из душ проснулась.

Она поднялась из глубин и добралась до тронного зала. Маленький светящийся силуэт закружился рядом с Аидом. Почти прозрачный. Слишком живой для того, кто давно

умер.

Элейя.

Единственная, кому они успели дать имя. Когда-то весь дворец ждал её рождения. Персефона снова начала улыбаться, у её ног впервые за долгие годы распустились цветы. Элейя должна была родиться светлой — лишь с крошечной каплей Тьмы, наследием Аида. Такой маленькой, что её почти невозможно было различить за сиянием.

До неё все дети были тёмными, и они решили, что именно поэтому те погибали. Элейя должна была всё изменить. Но она тоже родилась мёртвой. И вместе с ней умерла последняя надежда.

Теперь её душа снова стояла перед Аидом.

Он хотел вернуть дочери покой, но в последний миг Элейя выскользнула и понеслась прочь. Аид последовал за ней. Он мог остановить её в любое мгновение — но не смог отказать дочери, которая променяла вечный покой на возможность его позвать.

Элейя вела всё ниже. За Стикс, за поля забвения, туда, где спали остальные. В темноте начали загораться другие огоньки. Сначала один. Потом ещё. Маленькие души поднимались из мрака, будто вода возвращала утонувшие звёзды.

Тогда Аид понял, что ошибался даже в собственном горе. Детей было больше. Гораздо больше. Вместе с Элейей — шестеро. Здесь были души тех, кто погибал ещё в зародыше, раньше, чем родители успевали понять, что ребёнок вообще

существует.

Души окружили его. И первая — тёмная, почти чёрная — коснулась ладони.

Подземное царство исчезло. Аид увидел Персефону. Увидел ребёнка внутри неё. Тихого. Живого. И тогда в её чрево вошёл Свет — мягко, почти ласково. Он не жёг, не причинял боли. Он просто забирал всё, что считал неправильным. А когда закончил, внутри никого не осталось. Аид отшатнулся.

Вторая душа коснулась его руки — и он увидел, как Персефона просыпается среди ночи от холода. Не зимнего. Священного. Такого, от которого дрожит не тело, а душа. И жизнь внутри неё медленно застывает.

Третья показала золотые нити, вошедшие в тело Персефоны. Они не ранили плоть. Они связывали судьбу. Запрещали рождаться тому, кого кто-то считал ошибкой.

Аид сжал кулаки, но не успел ничего сказать — вперёд вышла Элейя. Она осторожно коснулась его щеки.

И он увидел светлые храмы. Услышал молитвы. Голоса поднимались выше самого мира — к чему-то, существующему за пределами мироздания. Сначала Аид не узнал их. Но потом различил имена: Деметра, её род, её жрецы. Молились не только живые — но и мёртвые боги.

И вместе с молитвами пришёл Свет. Не солнечный. Другой. Холодный, безупречно чистый. Он проходил сквозь тело Персефоны, выскивая внутри Тьму. И почти принял Элейю.

Почти.

Молитвы уже стихали, когда один из голосов произнёс:

— В ней есть Тьма.

Всего одна капля. Меньше искры. Меньше тени. Но этого оказалось достаточно. Между живыми и мёртвыми богами рода Деметры начался спор о праве Элейи на рождение. Одни предлагали пощадить ребёнка. Другие говорили, что Тьма рано или поздно уничтожит её душу.

Пока они спорили, Элейя продолжала расти внутри Персефоны. И всё это время знала, что её судьбу решают.

В конце концов Свет вынес приговор. Жизнь Элейи погасла.

Видение оборвалось. Аид долго стоял неподвижно. Элейя смотрела на него спокойно. Без страха. Без ненависти. Так могут смотреть только те, кто ещё не научился ненавидеть мир.

— Спите, — тихо сказал Аид.

Души слышали его. И впервые уснули спокойно.

Глава 1 Подземное царство пробуждается

Ярость Аида не вспыхнула.

Она поднялась из глубины его души — медленно, как поднимается вода в затопленной шахте. Сначала по щиколотку, потом по колено, потом выше груди. И когда достигла горла, он понял: назад дороги нет.

Он почти не помнил, как оказался в тронном зале. Всё плыло, будто он смотрел сквозь толщу Стикса. Впервые за многие века Аид не чувствовал границ собственной силы — ярость питала её, и та росла, ломая привычные пределы. Он слышал, как трещат косяки дверей, как чёрный камень под его ногами покрывается тонкими трещинами.

После увиденного в гробнице нерождённых мир больше не казался ему прежним. Всё, что раньше выглядело порядком, теперь напоминало ложь, существовавшую слишком долго.

Его детей убивали.

Не Хаос. Не судьба. Не ошибка мироздания.

А свет и святые молитвы.

— Деметра... — тихо произнёс он.

Имя упало на каменный пол, как первый ком земли на крышку гроба.

Аид закрыл глаза. Там, в темноте век, он ещё раз увидел Элейю — как она касается его щеки, как показывает молитвы, как голоса светлых решают, жить ей или умереть.

И понял: он слишком долго убеждал себя, что мир можно исправить словами, союзами, надеждой.

Надежда на мир лежала внизу мёртвой. Среди душ его нерождённых детей.

Он открыл глаза.

— Поднимите всех.

Голос был тихим. Но его услышали во всём царстве мёртвых.

Сначала дрогнул Стикс. Чёрная вода поднялась выше берегов — не волной, а ровным, неумолимым подъёмом, будто река вспомнила, что умеет бояться. Потом содрогнулась Лета: души в её водах начали просыпаться от вечного забвения, и их тихий стон прошёл сквозь все уровни подземного мира.

Из тьмы начали выходить мёртвые.

Не все сразу. Сначала те, кто был ближе к трону.

Высокий воин с глубокой трещиной поперёк груди остановился справа от Аида. Его лицо давно потеряло человеческие черты, но в пустых глазницах всё ещё жила память о предательстве.

Слева появилась жрица в разорванных одеждах. В её глазах тлел слабый зелёный свет, словно когда-то оборванный ритуал до сих пор продолжался внутри неё.

Потом потянулись остальные.

Тени без лиц. Забытые цари. Существа, умершие раньше, чем Олимп получил своё имя.

Некоторые не имели тел.

Лишь очертания боли и памяти.

Они заполняли пространство между колоннами, шелестели, как сухие листья, и от их прикосновения холод проникал в кости.

Аид шёл сквозь ряды мёртвых.

Тьма расступалась перед ним, но теперь это была не тьма правителя.

Это был траур, ставший оружием.

Он больше не выглядел богом, пытающимся сохранить равновесие мира.

Он выглядел концом этого мира.

— Мы идём наверх, — сказал он.

И мёртвые сделали шаг.

Своды подземного царства содрогнулись. С потолка посыпалась чёрная крошка — её подхватили тени, не позволив упасть на пол. Реки вышли из берегов, но вода не затопила коридоры — она застыла, ожидая.

Даже Тартар где-то внизу отозвался далёким гулом, словно узнал запах близкой катастрофы.

Аид поднялся к огромным вратам, ведущим в мир живых.

За ними была поверхность. Олимп. Свет. И Деметра.

Он остановился и мёртвые замерли позади него бесконечной армией.

Воин стоял справа, а жрица — слева. А за ними — тысячи тех, кто помнил собственную смерть.

— Я иду за вами, — тихо произнёс Аид.

И в этот момент по подземному царству прошла другая сила.

Живая. Тёплая. Весенняя.

Из трещин в камне начали пробиваться цветы.

Слишком быстро. Слишком тревожно.

Белые лилии распускались прямо на чёрном базальте, будто сама жизнь пыталась остановить смерть прежде, чем та поднимется на поверхность.

Персефона почувствовала его ярость.

И теперь спешила к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.